

ГРАММАТИЧЕСКАЯ КОМПРЕССИЯ ПРИ ОБРАЗОВАНИИ НЕКОТОРЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ В БОЛГАРСКИХ ГОВОРАХ ДИАСПОРЫ

В. А. Колесник (Одесса)

Стремление к экономии языковых средств — одна из причин эволюции языка, первопричина языковых изменений. Известный русский языковед Е. Д. Поливанов рассматривал язык как трудовую деятельность, осуществляющую процесс общения между людьми. “Экономия энергии в границах, обеспечивающих достижение цели, — типичная черта любой трудовой деятельности,” — писал он /1/. Стремление к максимальной экономии энергии не является абсолютным условием всякого вида говорения. Это типичная черта фонационной /звукообразовательной/ деятельности и важный фактор эволюции языка. Языкознание должно быть не только описательным, но и объяснительным — об этом все чаще говорят современные отечественные и зарубежные исследователи. Андре Мартине объяснял эволюцию языка постоянным противоречием между коммуникативными потребностями человека и его стремлением свести к минимуму свою умственную и физическую деятельность /2/. Энергия, которая расходуется в лингвистических целях, прямо пропорциональна количеству получаемой информации. Говорящий расходует столько энергии, сколько необходимо для того, чтобы его поняли, чтобы достичь своей цели. Это естественный стереотип поведения человека, который американский лингвист Г. Ципф назвал “принципом наименьших усилий”, а Мартине предпочел термин “экономия”. В. А. Звегинцев вводит термин “экономическая целесообразность”, считая, что это все же не единственный, а один из возможных подходов в изучении языковых процессов и явлений. Противоположной является позиция Р. А. Будагова, отрицающего принцип экономии в языке: “Язык не подчиняется закону экономии так же, как ему не подчиняется и сам человек” /3/. Однако языковые факты зачастую оказываются сильнее намерений того или иного автора. В языковой системе существует, как известно, определенное равновесие. И если в какой-то его части происходит упрощение системы, то это компенсируется усложнением или сохранением сложной структуры в другой его части. Классическим примером этому является упрощение именной системы в болгарском языке при сохранении сложности, разветвленности глагольной системы. Обратное явление наблюдаем в русском языке — упрощение глагольной системы и сложность именной. Во-вторых, следует иметь в виду, что язык как общественное явление характеризуется различной степенью сложности на разных этапах развития общества и общественного сознания. Вероятно, язык племен первобытнообщинного строя был более элементарен, поскольку примитивней было и общественное сознание. Однако экономия присуща как

элементарному языку народа с примитивным общественным сознанием, так и современным, более сложным формам языка народов с более высоким уровнем общественного сознания.

А. Мартине разграничивает экономию синтагматическую и парадигматическую /4/. Так, при необходимости дать название новому предмету существует определенная система выбора: название может быть образовано посредством прибавления новой единицы к системе наименования, либо путем переосмысления старой, существующей в языке единицы. Т. е. экономия может быть синтагматической — одна лексема вместо двух /“Эрика”, например/, или парадигматической — в том случае, когда не появляется новой единицы, которую необходимо запомнить / “пишущая машинка”/. При этом выбор способа наименования чаще всего определяет частотность употребления лексемы — если предмет обладает высокой частотностью, более экономным является краткое наименование, даже если для этого необходимо обременить память. Если же предмет употребляется редко, более экономным является название сложное, образованное от уже существующих в языке единиц, не загружающее память.

Общепринятым является также разграничение количественной и качественной экономии, которые на практике являются взаимосвязанными и не могут быть противопоставлены. Не всегда краткое выражение является более экономным. Оно обладает большей семантической нагрузкой, и в процессе коммуникации требует большего напряжения умственной энергии как от передающей стороны, так и от принимающей. Следовательно, экономия проявляется не только в сокращении количества единиц, но и в информативности, семантической нагруженности элементов. Но и качественная экономия связана с определенными количественными измерениями.

Ученые единодушны в том, что частоупотребительные лексемы “сокращаются, укорачиваются”, уменьшают свой звуковой состав:

“Произносительная энергия частоупотребительных выражений уменьшается. Поэтому частоупотребительные слова стали энклитиками и проклитиками” 151. Многие из частоупотребительных выражений превратились в отдельные лексемы: *спасибо* — от “спаси бог”, *двенадцать* — “две на десять” и т. п. Стремление к экономии языковых средств известно болгарский ученый Мирослав Янакиев называет брахилогией — “краткословием”, разграничивая при этом брахифонию, брахиморфию, брахисинтаксию, брахилексию и брахиграфию.

Языковая компрессия — характерная черта разговорной речи. Разговорная речь является “царством” экономии. /6:20/. По мнению болгарских лингвистов, здесь совсем обычными являются формы *кво* — вместо *какво*, *ко прайш* — вместо *какво правиш*, *глей* — вместо *гледай*, *мош* — вместо *может*, *ич ма ша* = *хич ме няма*, *иш ко* = *виж какво*, *прайш кот си знайш* = *правиш каквото си знаеш*, *а хом там* = *хайде да ходим там* и т. п./С. 22, 28/. Это явление характерно для молодежного сленга: *ням сми да гов* — *няма смисъл*

да говорим, айсихо — хайде да си ходим и т. п. /7:34/. Наибольшее разнообразие видов компрессии демонстрирует, на наш взгляд, диалектная речь. При этом для болгарской языковой территории это явление в большей степени свойственно северо-восточным болгарским говорам, где нормой является нестабильность многих консонантов и различного рода элизии.

Объектом данного исследования является гюльменский говор, носители которого проживают в селе Яровое /Гюльмен/ и в селе Евгеновка /Арса/. При этом в Евгеновке выходцы из Гюльмен соседствуют с переселенцами из соседнего села — Твардица /Молдова/. Гюльменцы и твардичане образуют отдельные махалы. Еще до недавнего времени даже смешанных браков между гюльменцами и твардичанами не было. Самое примечательное в Евгеновке — это отсутствие смешанного говора, так называемого койне, о котором так часто пишут исследователи других болгарских селений Бессарабии. Гюльменцы сохраняют особенности своего материнского ямбольского болгарского говора балканского типа, а твардичане прочно хранят особенности своего архаичного говора горного селения Твърдица /Сливенской околии/, который тоже относится к балканским и уже на территории Молдовы терпел некоторые изменения.

Говор евгеновцев, как и все говоры диаспоры, развивается в отрыве от материкового, в ситуации языковых контактов с русским, украинским, молдавским языками. В условиях иноязычного окружения говор сохраняет балканский облик. Наличествуют типологические схождения, традиционно выделяемые для балканской языковой общности. Сохраняются так называемые примарные балканизмы — наличие особого гласного Ъ, постпозитивного определенного артикля, аналитические формы степеней сравнения прилагательных, наречий, утрата инфинитива и его замена конъюнктивом, аналитические формы будущего времени, удвоение дополнений с помощью местоименных форм. При сохранении архаических черт говор обнаруживает значительное число инноваций. Они обусловлены либо интерферирующим воздействием контактирующих языков, либо внутренним развитием системы говора.

Иноязычное окружение наложило свой отпечаток на быт и язык бессарабских болгар. Однако изменения, происшедшие в их языке, относятся главным образом к области словаря. В грамматике “потери” идут по линии сокращения отдельных разрядов той или иной грамматической категории — не употребляются уже многие будущие и прошедшие времена, беспредложный аблатив и т. п. В формообразовании характерны многочисленные случаи дублетных глагольных форм. Несмотря на столь долголетнее существование в иноязычном окружении, болгары довольно хорошо сохраняют до настоящего времени свой родной язык — фонетические, морфологические черты и основной словарный состав. В целом говор гюльменцев является типичным представителем ямбольского говора, который по многим изоглоссам противопоставит сливенскому, к которому относится и говор твардичан.

Особенностью фонетической системы гюльменского говора является мягкость согласных перед гласными переднего ряда, ассимиляции, упрощения групп согласных, элизии звуков и слогов, что привело в ряде случаев к грамматической компрессии. Это явление особенно наглядно проявляется при образовании глагольных форм: *луя* вместо *ловя*, *ут'ом* вм. *отивам*, *моя* вм. *мога*, *дода* вм. *дойда* и т. п.

Глагол “”знать” /лит. зная/имеет в исследуемом говоре окончание — *м* в 1 лице ед. числа: *знам*, но во мн. числе имеет форму — *знайм*. В данном случае тематический гласный — *е* в некоторых формах выпадает /*знам*/, а в других редуцируется в *и*, после этого происходит девокализация *и* — *и*: *знайш*, *знайти* и т. п. Эти изменения характерны и для других глаголов с тематической гласной — *е* /1 спряжения/. Однако изменения в глаголе *зная*, как отмечают многие диалектологи, более древние и произошли, вероятно, под влиянием атематических глаголов, так как в некоторых мизийских говорах /например, сыртских/ при спряжении нет тематической гласной — *е*: *знам*, *знаш*, *зна* и т. п., т. е. он спрягается так же, как атематический глагол *имам*. Для сливенских говоров характерны формы без тематической гласной в 1 и 2 лице ед. числа — *знам*, *знаш* и формы с *и* /редукция *в* — *и* + девокализация/ в остальных лицах: *знай*, *знайми*, *знайши*, *знайът*. В твардичанском говоре этот глагол в 1 лице единственного числа имеет такую же форму, как и в литературном болгарском языке — *зная*: *Не знайа кой та вика*. В гюльменском говоре отрицательная форма этого глагола имеет форму *нам* — от *не знам*: *Нам кой ти вика* = *Не знам/зная/ кой те вика*. *Нам кой доди* = *Не зная кой дойде*. *Нам кой каза*. Примечательно, что эти формы употребляются и в роли неопределенного местоимения някуй “кто-то”: *Изл “ас, нам кой вика* == *Излез, някуй вика*. *Иди, виш, нам кой доди, кучтулай*. == *Иди, погледни, някуй дойде* — *кучето лае*.

Как известно, все балканские языки формируют будущее время аналитическим способом — при помощи вспомогательного глагола /производные от “хотеть”/. В болгарском литературном языке это частица *ще* /от глагола *щеше*/: *ще дойда*” *ще чета*, *ще напиша* и т. п. В говорах метрополии будущее время образуется при помощи частиц *ше*, *шы*, *ши*, *ша*, *же*, *жи*, *жа*, *че*, *ке*, *ки* и многих других.

В исследуемом говоре при образовании форм будущего времени используются частицы *ши*, *ша*, *шь*, *ш*: *ши кажса*, *ши чита*, *ши дода*, *ша ма гледът*, *шь гу гудим* л “*аба, синкуто ша кажса, ши гу наглаша, ша вида* и т. п. В частоупотребительных конструкциях при этом происходит элизия: *шти кажса* /=*ще ти кажса*/, *шта* н “*ома* = *ше та* н “*ома* /лит. *ще те няма* “тебя не будет”/, *три д’ена шта* н “*ома т* “*еб* “*а* /= *три дена ще те няма*/. Иногда конструкции редуцируются до такой степени, что воспринимаются носителями говора как отдельные лексемы. Так, в конструкции *Ш’ея на клайанца за уда* /= *Ще ида* /*ходя*/ на *кладенеца за вода*/ форма *ш* “*ея* имеет в говоре значение “пойду”. В значении “пойдем” в говоре употребляется форма *ш’ейм* и *ш’ейдим*, *шидим*:

Хай ш “ейм ду нас. Ш”ейдим ду д “адуту, да ш”е з “емим парити. Ко н”ама дъш, ш”ейдим ф кино. Т’е вашти жини са мардзаливи, хай шидим думойта. *Утвардичан*: Ух нидел “а шейдим ух черкухта. Ай сига ша гу зб “ара ух школата и шейда ух магазина.

Таким образом, говоры диаспоры, развиваясь в отрыве от материнских говором, не теряют своей способности “брахилогизировать” — сокращать частоупотребительные языковые элементы. Кроме фонетической компрессии в глагольных лексемах типа *мой /може/, луйм /ловим/, дода /дойда/, ум’ом /отивам!*, исследуемому говору свойственна и грамматическая компрессия, первопричиной которой являются фонетические изменения в структуре слов, как правило, на границе морфов. Аналитические формы будущего времени в исследуемом говоре имеют в ряде случаев /с частоупотребительными глаголами/ синонимичные синтетические формы.

Способность человека сокращать большие языковые единицы и сводить их к более коротким, более экономным, компрессивным является неоспоримым фактом. К сожалению, этот процесс еще недостаточно изучен для того, чтобы уметь управлять им и прогнозировать сознательно эти явления. Необходимы усилия не только лингвистов, но и психологов, этнологов и других ученых, чтобы глубже изучить механизм действия этих законов.

Литература

1. *Поливанов Е. Д.* Статьи по общему языкознанию. — М., 1968. — С.57.
2. *Мартине А.* Принцип экономии в фонетических изменениях. — М., 1960. — С. 126.
3. *Звегинцев В. А.* Функционально-структурные основы лингвистического описания // Новое в лингвистике, вып. III, М., 1963.
4. *Будагов Р. А.* Человек и его язык. — М., 1976.
5. *Янакиев М.* Записки по стилистика на българския език. — С., 1964. — С.37.
6. *Кръстев Б.* Икономията в българския език. — С., 1981. — С.20.
7. *Армянов Г.* Жаргонът, без който /не/ можем. — С., 1989. — С.